

АНАСТАСИЯ
ПЕРКОВА

СТЕРЖУЩИЕ
ЗОЛОТО
ГРИФЫ

фэнтези

МИО

МИФ Проза

Анастасия Перкова

Стерегищие золото грифы

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2017

УДК 82-312.9(470+571)
ББК 84(2Рос)6-445.13

Перкова А.

Стережущие золото грифы / А. Перкова — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2017 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-214420-4

С именем алтайской принцессы, загадочной девушки, найденной во льдах, связано множество пророчеств и проклятий. Ее истинная судьба по-прежнему остается тайной и будоражит многих. Пять историй сплетаются в причудливый узор и рисуют картины далекого прошлого, в которых оживают образы легендарной принцессы и тех, кто был ей дорог.

Над заснеженными вершинами, строптивыми реками, опасными перевалами и бескрайними лесами летит песня об отважных кочевниках, мудрых шаманах, справедливом Духе Тайги, таинственных слезах солнца и людях со звезд. Для кого эта книга Для тех, кто хочет прочитать историю, полную любви к сказочному Алтаю. Для читателей, которым нравится узнавать о мифах и легендах разных уголков земли. Для тех, кому хочется прочитать книгу с необычной структурой – это история как пазл, когда все складывается только с последней деталью-страницей.

УДК 82-312.9(470+571)

ББК 84(2Рос)6-445.13

ISBN 978-5-00-214420-4

© Перкова А., 2017
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2017

Содержание

Путеводная звезда. Сказание о Темире	8
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Анастасия Перкова

Стерегищие золото грифы

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Анастасия Перкова, 2024

© Оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2024

Бойся одноглазых аримаспов и стерегущих золото грифов, встреча с ними грозит тебе только смертью. [...] Грифы живут в холодном краю, среди высоких гор, где снежные хлопья похожи на птичьи перья¹.

Давным-давно это было. Когда люди знали, что обитают духи бок о бок с ними. Когда верил народ, что каждая гора, каждая река, каждый лес – живые и душу имеют. Когда смерти

---

¹ Геродот. История. Книга IV.

не было и продолжал человек земной путь на пастбищах небесных, а те, кто пуше других жаждал вечной жизни, не уходили вовсе, засыпая во льдах в ожидании своего часа.

Давным-давно это было. Жил в сердце мира, в благословенных горах алтайских, народ. Из дальних земель пришел он, а как называл себя и куда сгинул – про то неведомо.

Племенами жил народ – мелкими и крупными. Правил каждым свой зайсан², а над всеми зайсанами каан³ стоял: и суд вершил, и споры разрешал, и рассорившихся мирил. За то племена дань ему платили.

Каждое племя свой промысел имело. Кто пушного зверя да маралов по богатой тайге бил; кто коней да овец разводил на привольных и сытных пастбищах. Одни во чрева гор дорогу отыскивали и брали оттуда застывшую кровь древних алып⁴ -великанов и поверженных ими черных врагов. Другие же укротили огонь и делали эту кровь такой, какой была она прежде: раскаленной и кипящей, текучей да бурливой. И тогда из черной крови явилось железо рукам на подмогу, а из редкой богатырской – золото очам на радость.

Кузнечный молот умельцев превращал золото в тончайшую фольгу. И покрывали ею людские и конские украшения из дерева, чтобы в блеске своем уподобиться солнцу. О золоте том, о сказочных кладах и поныне молва твердит, мол, лежат в земле священных гор груды сокровищ. А что память людская – золото, про то не думают. И в земле поистине сокрыты богатства – для тех, кто хочет узнать, а то и вспомнить, как было на самом деле.

Из недр алтайских гор, из ледяных объятий, из лиственничных чертогов среди прочих пришли в наш мир двое: мужчина и женщина. Они принесли весть о канувшем в века народе, явились поведать истории, которые помнят лишь камни на урочище Пазырык⁵ да о которых поет ветер над плато Укок⁶. И вы послушайте.

А называть тех людей станем пазырыкцами – по месту, где в былые времена раскинулись их древние станы и где упокоились великие кааны. Видите? Вот выезжают кочевники из тайги. Женщины равны мужчинам, всадники неотделимы от скакунов. Как вихрь несутся они сквозь годы, стоит лишь представить их. Женщины в ярких одеждах, с мудреными прическами; мужчины в лохматых шубах и шапках, увенчанных головками птиц. Стерегищие золото грифы.

---

² Зайсан – родовой князь.

³ Каан – государь, властелин над всеми племенами.

⁴ Алып – богатырь.

⁵ Урочище Пазырык находится в долине р. Большой Улаган близ села Балыктуюль (Улаганский район Республики Алтай). В 1929 году экспедицией академика С. И. Руденко в тех местах были раскопаны усыпальницы пазырыкской племенной знати. Пазырыкская культура – археологическая культура железного века (VI–III вв. до н. э.). Имеет черты скифской и древнеиранской культур.

⁶ Укок – высокогорное плато с зимними пастбищами, расположенное на высоте около 2500 м над уровнем моря на юге Горного Алтая.

Путеводная звезда. Сказание о Темире

Пещера эта – вовсе не то, чем кажется. Не зря мать строго-настрого запретила сюда забираться. Стоило шестилетнему Темиру⁷ переступить через невидимую границу мира духов, как скала под ним угрожающе задрожала, будто растревоженная рыком чудовища. Темир отскочил назад, отпружинив ногами, как лесная кошка. Вовремя: внутри пещеры вспыхнуло злое красное пламя, свод резко опустился, щелкнув клыками-сталактитами. Ожил Адыган⁸.

Темир опрометью кинулся к крутой тропке и кубарем скатился к подножью скалы, грохоча мелкими камнями и подняв вихрь пыли. Не оглядываясь, но спиной чувствуя дыхание великана, он ринулся в долину, хрипло дыша. Летящий навстречу ветер остужал мгновенно выступивший пот. Темир обернулся лишь раз, чтобы в ужасе увидеть, как грозный Адыган отрывает от земли огромную ступню. Рот-пещера исказился от ярости.

– Не догонишь! – нарочито весело крикнул Темир, высунув язык. – Я легкий! Я быстрый!

Чудовище издало рык, полный грозной ярости, и, подняв с земли приличного размера валун, швырнуло вслед улепетывающему сорванцу. Да, пусть Адыган и не мог состязаться с Темиром в беге, но рука его была сильна и точна: валун со свистом описал дугу и накрыл мальчика стремительно растущей тенью. Темир ничком упал наземь, защищая голову руками и понимая, что это конец.

– Темир! Вот где тебя ветер носит! – сердито прикрикнула мать и, приподняв сына за пояс штанов, поставила его на ноги.

– Матушка, великан! – задыхаясь, выпалил Темир, округляя в испуге глаза и указывая туда, где еще мгновение назад силился сделать шаг Адыган.

– Исцарапался весь, штаны порвал, – ворчала мать как ни в чем не бывало.

– Бежим! Там, там... сам Адыган! – Темир вцепился в материнский подол и тряс его руками.

– Э, мне еще разорви юбку! Дрожит весь, как новорожденный жеребенок. Иди в дом, отец зовет. Да остерегись ему свои выдумки рассказывать.

Подгоняемый матерью, Темир покорно поплелся впереди, озираясь на скалу, которая вновь стала просто скалой с раззявленной пастью-пещерой. Не было и летевшего вдогонку валуна – только небольшая тучка зависла над долиной, отбрасывая тень на землю.

– Матушка, когда же я смогу носить оружие? – жалобно и тихо спросил Темир. – Хоть коротенький кинжал. Я убью Адыгана!

– Вот выдумщик, мечтатель! – Мать всплеснула руками. – В кого только блаженный такой? Сказка это, Темир, сказка. Нет великанов. А если и были, то, как и сказывают, давно горами стали. А горы не ходят.

Темир надул губы и нахмурился. Адыган – не выдумка, и однажды он будет повержен им, Темиром.

---

⁷ Темир – железо (*южноалт.*).

⁸ Адыган – персонаж алтайских легенд, один из четырех братьев-великанов, спустившихся на землю с Ориона после Всемирного потопа и ставших горами. Гора Адыган – одна из вершин хребта Иолго в Северном Алтае, достигающая отметки 1858 м над уровнем моря.

Отец сегодня принимал гостей. В деревянном восьмистенном аиле⁹ было душно. Служанки таскали блюда с мясом, лепешками и сладким сыром. Они едва успевали наполнять чаши вином из кожаных тажууров¹⁰. Терпко пахло зажженным курением.

Отец Темира был кааном над всем кочевым народом. Именно зайсаны разных племен и собрались у гостеприимного очага. Они привезли дань и подарки, взамен прося совета, помощи или защиты. Отец Темира правил мудро, хоть зачастую и относился к кочевникам как к людям низкого пошиба.

Мать торопливо привела Темира в порядок, оттерев грязь с его лица краем юбки и стряхнув пыль со штанов. На миг прижав сына к могучей груди, легонько толкнула его в спину, и он робко вышел на середину аила. Отец ласково поманил Темира – он уже изрядно захмелел, потому был непривычно внимателен к домашним. Темир поймал почему-то сочувствующий взгляд старшего брата.

– Поди, Темир, сюда. Поди, сынок.

Темир приблизился. Коснулся дрожащими пальцами лба, потом груди и слегка склонил голову, оказывая почтение собравшимся. Зайсаны одобрительно загудели.

– Вот, Темир, это Зайсан наших родичей с Укока. – Отец кивнул в сторону лысеющего человека с темными раскосыми глазами.

Темир поклонился гостю.

– Его племя уже откочевало на зиму. Рано зима идет в этом году, – продолжал отец. – Завтра он двинется в обратный путь, и ты с ним.

Темир непонимающе оглянулся, ища поддержки у матери. Та всхлипнула и затихла, зажав рот рукой и опустив глаза. Ее широкие плечи ссутулились.

– Навсегда? – вымолвил Темир, сдерживая слезы и чувствуя, как кровь отливает от лица.

Он был воином, а воину негоже плакать от разлуки с родными. Так Адыгана не повергнешь.

– До зимы не успеешь вернуться. Перезимуешь на тамошних пастбищах. На Укоке живет великая Шаманка. Я хочу, чтобы ты повидал ее, а она поглядела на тебя. Это моя младшая сестра.

Последние слова он прошептал Темиру на ухо, обдав его парами выпитого вина. Темир кивнул, сжав зубы, – приказы отца исполняются без вопросов и возражений. Он слышал что-то о Шаманке, но все это говорилось шепотом и казалось слухами. Похоже, отец предпочитал молчать о такой родственнице, хотя говорящие с духами обычно служили поводом для гордости каждого рода.

И уже следующим утром маленький мальчик каанских кровей, шести зим от роду, качался на лошади позади чужака Зайсана. Путь был далекий и однообразный. Вот бы сидеть впереди этого человека, чтобы с высоты роста длинноногого красавца-скакуна обозревать окрестности. Но попросить Темир не решался – так и сидел, оцепенев и вперив невидящий взгляд в черную шубу Зайсана, по которой туда-сюда моталась тонкая серая косичка, сплетенная из остатков волос.

Иногда Темир бросал взгляды на окружающих всадников: суровые обветренные лица, уверенная посадка в седле, запахнутые шубы, открывающие голую грудь. Дикари – отец правильно говорил. Темиру стало отчаянно стыдно за свою чистенькую белую шубку, под которой была светло-коричневая рубаха с красным воротом: простые кочевники рубах не носили. Он поежился и попытался запахнуть плотнее.

---

⁹ Аил – отдельное жилище (юрта или шалаш).

¹⁰ Тажуур – кожаный узорный сосуд для хмельных напитков.

Они останавливались только на ночь или когда уставали кони. Усталость людей никого не волновала. К ночной стоянке Темир всякий раз был зверски голоден и набрасывался на незамысловатую еду: вяленое мясо и засохший хлеб. Всадники Укока смеялись над ним беззлобно, без издевки. Выставив дозорных и усевшись вокруг костра, они принимались разговаривать, рассказывать истории и охотничьи байки – все это Темир слушал с жадным любопытством, как бывало и дома. Лица, суровые во время пути, смягчались, и Темир расслаблялся – может, среди этих людей жить будет не так уж плохо. Он обладал легким нравом и любил смеяться, поэтому обычно нравился всем. Оставалось только полюбить незнакомцев в ответ.

Зачем отец отослал Темира, об этом он не думал. Особенно когда у костра звучала очередная леденящая кровь история о встрече с лесными людьми, косматыми и красноглазыми, или чудесная сказка о речных девах, чьи волосы отливают бирюзой и зеленью. Темиру хотелось спросить, есть ли в их стане кайчи¹¹, которых он боготворил, но с ним никогда не заговаривали, а сам он не смел первым обратиться к старшим.

Луна уже похвасталась сытыми круглыми боками, когда горы стали такими огромными, каких Темир прежде не видал. Окружающий лес редел и приближался к своей верхней границе. Тропа извилисто шла все ввысь и ввысь и настолько сузилась, что всадникам пришлось пустить коней по одному. Медленно, вереницей взбирались они на перевал, и Темир закрывал глаза всякий раз, когда из-под копыта одного из животных отлетал камень и срывался в зияющую справа бездну, рождая волны громкого эха. Далеко внизу Темиру удавалось различить верхушки кедров и плутающую между ними ленивую реку, укрытую рваными клочьями тумана.

Привалы стали временно невозможными, потому ехали и ночью без сна. На перевале уже лежал снег, и Темир стянул тесемки на рукавах шубы, пряча руки. Ему удалось высунуться из-за спины Зайсана и разглядеть впереди, в голубом мареве, снежные шапки далеких гор. Это величественное зрелище наполнило сердце восторгом и благоговением, и Темир поклялся себе в этот миг полюбить Укок и его жителей.

Иногда тропа круто забирала в сторону, и Темир диву давался, насколько спокойны всадники. Да и лошади шли уверенно, почти не спотыкаясь. Сколько раз они уже проходили здесь?

Мысли несли Темира все дальше и дальше, когда он понял, что задремал. Он вздрогнул и крепче вцепился в мех шубы Зайсана.

– Чего ты? – тот слегка обернулся, впервые заговорив с Темиром.

Темир увидел дружелюбную улыбку на загорелом лице.

– Уснул. Испугался, что упаду, – тихо ответил он, прочистив отвыкшее от разговоров горло.

– Ниже земли не упадешь, а упадешь – так встанешь. – Зайсан пожал плечами.

Тут Темир наконец заметил, что дорога идет уже не над пропастью, да и дороги-то никакой нет. Перед ними лежала степь, покрытая высокой сухой желто-бурой травой. Пронизывающий ветер набрасывался сразу со всех сторон. Трава шелестела и склонялась до земли, словно приветствуя хозяина гор. Да, это ветер господствовал тут, выдувая почти весь снег с бескрайней равнины, оставляя на зиму пищу стадам и табунам.

Темир никогда не видел такой обширной, ровной, словно блюдо, земли. Как и раньше, он приметил на горизонте массивные матово-белые вершины и неуверенно, загибая пальцы, сосчитал их – пять.

Темир нетерпеливо заерзал на спине лошади, предвкушая конец перехода. Впереди изгибалась молочного цвета река, по берегам которой рассыпались постройки, будто проходивший мимо Адыган обронил из поясного мешочка конопляные зерна. Наверное, там и обитают эти суровые всадники.

---

¹¹ Кайчи – певец-сказитель, исполняющий героический эпос под аккомпанемент народных инструментов. Отличительной чертой кайчи является горловое пение – кай.

– Укок, – коротко сказал Зайсан, отвечая на немой вопрос Темира.

Народ высыпал из деревянных зимников, не имевших ни единого украшения или знака отличия. Люди радостно встречали вернувшихся: мальчишки, босоногие, несмотря на холод, визжали и путались под ногами лошадей; всадники смеялись и легонько, в шутку, охаживали ребятню плетками. Лай собак, человеческие голоса и запах дыма совсем согрели сердце Темира – здесь будет почти как дома.

Зайсан спешился и стянул Темира с коня. Он покачнулся на затекших ногах и неуверенно посмотрел на Зайсана снизу вверх. Тот показал на один из айлов и подтолкнул Темира в ту сторону. У входа стояла подбоченившись ужасного вида старуха в черной шубе до пят. Видневшуюся из распахнутой шубы одежду украшали порезанные на ленты цветные лоскуты, а на груди болтались бусы из нанизанных на нитку то ли камней, то ли костей. Темир не разобрал – так все поплыло у него перед глазами. Волосы старухи, седые и нечесанные, были распущены сзади, а по обе стороны от лица убраны в две тонкие косы с бронзовыми бубенцами на концах. В руке она держала курительную трубку.

«Пельбегень¹²», – подумал Темир, и его губы задрожали. Он оглянулся, ища помощи у Зайсана, но тот уже отошел далеко, и на его шее висели две девочки – должно быть, дочери. Темир снова посмотрел на старуху: высокая угловатая фигура, косматые седые брови, глаза непонятного оттенка, темный цвет лица и большой нос. Темир был уверен: открой она рот – это окажется зияющая беззубая дыра. Неужели отец отдал его на съедение? Беды ли какие грозят их народу, что понадобилась помощь Шаманки-людоедки? А в уплату – каанское дитя, как полагается в сказках? Неужели это и есть отцова сестра?

Каково же было изумление Темира, когда жуткое лицо озарилось материнской улыбкой. Губы раздвинулись, обнажив превосходные зубы.

– Иди, не съем! – весело крикнула она, и Темир наконец сдвинулся с места.

Женщина приоткрыла полог и втолкнула его в пятистенный зимник. В очаге тлели угли, и, когда глаза Темира привыкли к темноте, он увидел скромное жилище Старой Шаманки. Три шкуры, брошенные на пол у дальней стены. На каждой – по войлочному одеялу и по набитой сухой травой подушке. Возле правой стены – горшки, котелки и каменное блюдо на коротких ножках. Вот и все нехитрое убранство дома, где предстояло поселиться Темиру, привыкшему к войлочным коврам с ярким орнаментом и занавесям, отделявшим спальное место каждого члена семьи.

В центре айла, у очага, сидела девочка зимы на четыре старше Темира. Она с неприятным звуком соскребала сажу с котла, собирая ее в треснутую деревянную миску. Услышав шаги, девочка подняла глаза – большие черные омуты в обрамлении темных ресниц. Она бросила котел так, что тот покатился со звоном, и кинулась к Темиру. Тот от неожиданности сделал шаг назад, но наткнулся на Шаманку.

– Приехал! – Девочка всплеснула руками. – Устал? Замерз? Голодный?

– Ш-ш-ш, ты, сорока, – оборвала ее Шаманка. – Ясное дело: уставший, замерзший и голодный. Какой же он еще тебе будет? А чем спрашивать – кумыса налей да хлеба дай. А ты раздевайся. Шубу у огня просуши.

---

¹² Пельбегень – персонаж алтайских легенд, женщина-людоедка.

Темир послушно снял шубу и несмело опустился на колени у очага, принимая из рук девочки чашу с кумысом, который она налила из большого рогового сосуда.

– О-о-о, – восхищенно протянула девочка, щупая двумя пальцами тонкую ткань его дорогой рубахи.

– Каанский сынок, что ты хотела? – усмехнулась Шаманка, скидывая шубу и подсаживаясь к детям. – Как там братец мой единственный? Вижу, не бедствует.

Темир покраснел и поджал губы.

– Ладно, – махнула рукой Шаманка, – после будем разговоры разговаривать. Зима долгая, ой долгая. Пока ешь да ложись отдыхать. Вон, дочка уже постелила тебе.

Темира разбудил тихий стук, и он приподнялся на локте. Огонь очага плясал, весело потрескивая. Дочка Шаманки сидела на прежнем месте и что-то толкла пестом в той самой деревянной чашке, куда прежде собирала сажу.

– Ночь только пришла, – сказала она, заметив, что Темир не спит. – Видишь, огонь разожгли. Ночи здесь суровые, земля замерзает. Без огня никак нельзя. Ты ложись до утра.

– Раз проснулся, нужно так, – проскрипела из темноты Шаманка. – Готово у тебя?

– Готово. – Дочка Шаманки кивнула, ставя миску на утоптаный земляной пол.

Темир вытянул шею. В миске была какая-то черная каша. Шаманка, кряхтя, поднялась и прошла в круг света, шаркая обутыми в войлочные чулки ногами.

– Неси что требуется, – велела она.

Дочка Шаманки отошла к стене и вернулась с тряпицей, положив ее рядом с миской.

– Поди к огню, – теперь Шаманка обращалась уже к Темиру.

Он нехотя выбрался из-под теплого одеяла и сел рядом с Шаманкой, а та уже разворачивала загадочную тряпицу. Внутри лежало несколько деревянных палочек толщиной с палец. На конце каждой торчало по острой железной игле разного размера. Металл зловеще блеснул, поймав свет.

Темир с опаской глянул на непонятные орудия, потом перевел глаза на старуху и ее дочку. У них были сосредоточенные, серьезные лица.

– Зачем это? – К стыду, голос Темира дрогнул.

– Рубаху снимай. – Шаманка оставила его вопрос без ответа.

Вмиг ослабевшими руками Темир вытянул рубаху из штанов и снял через голову. Дочка Шаманки взяла у него одежду и, аккуратно сложив, убрала прочь. Потом бросила горсть семян на каменное блюдо с горячими углями. Взвилась струйка сизого дурманящего дыма.

– Еще ближе сядь. Руку дай, – отрывисто приказывала Шаманка, выбирая иглу.

– Какую руку? – прошептал Темир.

– Какую сердце подскажет, та и верная.

Он робко протянул Шаманке левую. Старуха цепко схватила его за запястье и вывернула руку ладонью вверх. Закрыла глаза, покачалась немного вперед-назад и резко, без предупреждения вонзила иглу в кожу ниже сгиба локтя. Темир дернулся, но не издал ни звука.

«Не плакать, не плакать, воин...» – твердил он себе, вспоминая тело отца, полностью покрытое узорами, которые Темир с упоением рассматривал, когда тот позволял.

Игла быстро и ловко ходила вверх и вниз. Кожу жгло огнем, кое-где выступили алые капли. Глаза Шаманки были пустые и страшные.

– Твой отец в прошлый раз передавал мне весть о тебе, Темир, – заговорила Шаманка потусторонним голосом, не прекращая работы. – Говорил, боится за тебя. Говорил, духи ходят за тобой, мутят разум. Говорил, сказками живешь, не видишь жизни вокруг. Блаженный ты, говорил. Дам друга тебе, защитника, иначе пропадешь. Мал ты еще, да ничего. Рука вырастет – поправим рисунок.

Темир никакого рисунка не видел. Там, где прошла игла, кожа вздувалась уродливыми красными буграми. Рука онемела, и он уже ничего не чувствовал. Сидел ссутулившись и покорно ждал, когда Шаманка отпустит. А она отложила иглу, придвинула ближе чашку с черным месивом, зачерпнула немного и принялась усердно втирать в руку Темира. Краска мешалась с кровью, образуя грязные потеки, похожие на талый снег, пополам с землей бегущий весной с гор. Боль вернулась ослепляющей вспышкой, и Темир почти потерял сознание.

– Погляди-ка. – Голос Шаманки снова стал ласковым.

Конопляный дым уже рассеялся. Шаманка вытирала руку Темира тряпкой. Под его кожей расправил сильные крылья каан-кереде – могучий орел. Он вывернул хищную шею и всем телом изгибался назад, будто сился побороть встречный ветер. Каждое перо было прорисовано с величайшей точностью и отливало свежее выкованным железом, а глаз пристально смотрел на Темира. Тот восхищенно ахнул.

– Орел. Каан-птица, – продолжала Шаманка. – Высоко летает, далеко видит, зорко. На добычу ли, врага ли камнем падает, в когтях держит цепко. Издали опасность увидит, успеет предупредить тебя. Несгибаемым будешь, как железо. Крепким будешь, как имя твое. Теперь спи, до рассвета есть время. Да мордашку-то утри. Развел сырость – до утра огонь не высушит.

Темир вспыхнул и коснулся пальцами лица. Щека была мокрой от слез. Он плакал? Когда? Позор воину, позор каанской крови. Он, все так же на коленях, отполз к своей постели и укрылся с головой. Слышал, как ложится Шаманка – тяжело, устало. Вот она уже и засопела громко, задышала мерно. Видимо, искусство ее отнимало много сил телесных и душевных. Но она не спала. Сказала еще:

– Спим по очереди вполглаза, кормим очаг. Потухнет – зачоченеет к утру. Вчера мой черед был не спать, сегодня – дочки. Стало быть, завтра тебе в дозор, воин.

Рука горела. Темира трясло под одеялом. Он не умел ни разводить, ни поддерживать огонь в очаге. В доме отца это было заботой слуг. Ему стало очень одиноко, и тоска охватила так остро, предлагая картинки привычной жизни. Вот старшая сестра расчесывает длинные косы, думая, как бы улизнуть тайком на свидание. Вот братья затеяли шуточный кулачный бой, а старая служанка прикрикивает, чтобы шли дурачиться во двор, а не громили дом. Вот мать вышивает в неверном свете очага, тихонько напевая. Вот отец сам чистит своего скакуна, не доверяя слугам. Интересно, выпал ли дома снег? А здесь, здесь не будет его? Голой, безжизненной представлялась теперь Темиру эта земля. А в большом стане мальчишки сейчас мастерят из конского навоза лежаки, поливая водой и терпеливо ожидая, пока застынет. Потом тащат их в гору и, плюхнувшись на них животами, вниз головой катят по склону с оглушительным свистом, сбивая с ног любого, кто окажется на пути.

Темир заплакал жалобно, с подвыванием, поджимая ноги к животу и еще сильнее натягивая на голову одеяло. Ему стало безразлично, услышит ли кто. Бесконечная зима на чужом ему Укоке с чужими людьми.

– Эй, ты как тут? – послышался громкий шепот.

Дочка Шаманки скользнула к Темиру под одеяло, тоже с головой. Обняла его, прижавшись теплым животом к спине и неловко целуя в макушку.

– Уходи. Не понимаешь, – буркнул Темир, отодвигаясь.

– Чего не понимаю? Тоски по дому не понимаю? Боли не понимаю? – мирно спросила Дочка Шаманки. – Завтра покажу под солнцем свои рисунки. Один совсем свежий, не зажил еще. Никому не показываю, а тебе можно. Шаманка сказала, тебе можно.

Темир не ответил, но расслабился и позволил ей крепче себя обнять.

– Отчего у тебя волосы как солнечные лучи? И глаза как летнее небо? – спросила вдруг она.

– Мать говорила, родила меня летним днем да в траве забыла. Солнце целовало меня и гладило, чтобы не плакал один без матери. Вот и выгорели и глаза, и волосы, – доверительно сообщил Темир.

Она счастливо засмеялась.

– Я слышала, как Шаманка говорила, будто ты сказки любишь.

– Угу.

– Хочешь, расскажу тебе про людей со звезд?

– Со звезд? – удивился Темир. – Как Адыган и его братья?

– Не совсем, нет. – Дочка Шаманки задумалась. – Другая это сказка, но ты никому ее больше не рассказывай. Пусть будет наш секрет.

– А ты никому не говори, что я плакал. Не скажешь?

– Не скажу, – заверила Дочка Шаманки. – Да только плакать не стыдно, когда плачешь не о себе, а о тех, кто далеко, кого любишь.

И она поведала чудесную историю, непохожую на те, что обычно поют кайчи и рассказывает простой народ. О жизни людей на далекой звезде. О том, как, влекомые зовом других миров, построили они чудо-колесницу и отправились в неведомое. И там, отыскав новую землю, стали частью живущего на ней народа. Опустошенная слезами душа Темира наполнялась мерцающим звездным светом. Он растворялся в черной небесной выси, увлекаемый тихим голосом, и не заметил, когда сказ перетек в сновидения.

Обучаясь понемногу пастушьему мастерству, езде на лошади и стрельбе из лука, Темир прожил среди укокских всадников до самой весны, пока не стаял снег на перевале. Тогда стало возможным вернуться назад в цветущие долины, где отощавший скот пощиплет нежную молодую траву, а промерзшие до костей люди отогреются под весенним солнцем.

– Разве вы не живете здесь всегда? – удивленно спросил Темир Дочку Шаманки, когда стан загудел пчелиным роем, собирая вещи и радостно предвкушая спуск с плато.

– Нет, глупый, – прыснула она в рукав. – Там, внизу, летом есть сочный корм для скота и прохладная таежная тень. Так хочется вдохнуть запах исполинских кедров! А здесь что? Ветер, один непрекращающийся ветер, скука и тоска. Да солнце днем будет сжигать заживо, вот увидишь. А ночами все тот же холод.

Предав земле своих мертвых, коих за ту зиму оказалось пятеро, тронулись люди в обратный путь. Медленно, обремененные бестолковыми овцами и табуном коней. Да еще женщины, дети, старики – все верхом. Они оставили позади пустые зимники, приторочив к седлам мешки с домашней утварью и постелями, да у каждой семьи был переносной войлочный аил, с красными узорами по белому. Аилы расставляли не всегда, чаще спали под открытым небом, чтобы сберечь время.

– А одежда какая есть – вся на нас. Меньше груз лошадям, – смеялась Дочка Шаманки, придерживая скакуна, которому нелегко было такой неторопливый шаг.

Ключьями вылинявшие овцы останавливались всякий раз, когда находили хоть немного молодой травы. Они тупо смотрели на орущих погонщиков, неспешно перекатывая челюстями сочный комок. Дочке Шаманки, по всей видимости, задержки в пути были так же невыносимы,

как и ее коню, поэтому она каждый раз принималась с воодушевлением помогать взрослым, нещадно лупя плеткой облезлые спины замешкавшегося скота. Словно злой дух гнал ее прочь с Укока.

Темир ехал с ней вместе, держась за хрупкую талию и чувствуя пальцами, сколько силы и ловкости в тонком теле. Вот они уже были на той самой тропе, которая вынуждала караван вытянуться длинной цепочкой. Несколько овец с жалобным блеянием сорвались в ущелье.

– Йа! – послышался сзади звонкий крик, и их обогнал нескладный темноволосый подросток, едва не отправив вороного коня в пропасть.

– Что делаешь? – возмутилась Дочка Шаманки. – Убьешься!

Он обернулся через плечо, отпустив поводья. На его лице, чем-то похожем на лицо Дочки Шаманки, появилась самодовольная ухмылка, но глаза пылали диким отчаянным огнем, непонятным маленькому Темиру.

– Хороший конь ни с того ни с сего в пропасть не прыгнет, – ответил смельчак. – Он знал, что пройдет, поэтому пошел. А ты осторожнее держись, а то как бы каанская дочка не свалилась вслед за овцами.

– Я – воин, – пискнул Темир, задрожав от ярости и бессилия.

– Ха, воин, – усмехнулся паренек. – За женскую юбку держись. Наши все рождаются сразу на лошадиной спине. Ходить еще не умеют, а уже в седле сидят.

– Перестань немедленно, – оборвала паренька Дочка Шаманки. – Темир – гость, нельзя так с ним говорить.

Они долго молчали и смотрели друг другу в глаза. Темиру было любопытно, какое у Дочки Шаманки сейчас лицо. Он никогда не видел, чтобы она сердилась, но живо представил, как сдвинула к переносице густые черные брови. Лицо нахального паренька смягчилось, и он отвернулся, не отвлекаясь больше от дороги.

Темиру понравились обитатели Укока, к тому же они приняли его как своего. Укокцы много рассказывали ему, учили разным занятиям, добродушно посмеиваясь над его неудачами, и были дружным народом. Но этого паренька Темир выделял из всех. Он больше молчал, редко смеялся и не упускал возможности поддеть Темира, напомнить, что он здесь чужой, или просто бросить в него снегом. А еще Темир заметил: тот был единственным другом Дочки Шаманки. Они часто уезжали вместе пасти скот или просто убегали куда-то вдвоем. В остальное время паренек ходил за ней незаметной тенью.

– Что он так? – зло шептал Темир, комкая пальцами белую рубашку Дочки Шаманки. – За что он меня не любит? За что? Раз он твой друг, раз я тебе нравлюсь, то и ему должен. Разве нет? Нет?

– Сложно объяснить, – мягко ответила она. – Он хотел бы, чтобы вокруг меня никого не было. Чтобы только ему улыбалась. Поэтому его злит, что мы с тобой подружались, Темир. Да только у меня и так нет никого, так что его ревность напрасна.

Недетская горечь была в этих словах, но Темир не понял до конца ни чувств ее, ни слов.

– Я вырасту и убью его, – сказал он.

– Не надо, маленький, – засмеялась Дочка Шаманки. – Если ты его убьешь, я стану плакать.

– Ладно, – тут же сдался Темир. – Тогда я убью великана Адыгана и его голову принесу, чтоб всем показывать. Тогда никто смеяться не станет и каанской дочкой называть не будет.

– Вот это дело. Да перестань же щипать меня за бока!

– Я поеду, отец! – твердо сказал Темир.

– Нечего тебе там делать, – возразил тот в очередной раз. – Неотесанные пастухи – что это за компания для моего сына?

– Они – твой народ! – негодовал Темир. – Наша семья властвует над ними, так не должны ли мы лучше их узнать? И не думай, что они хуже нас. Мы сидим на месте и жиреем, а там – опасность на каждом шагу.

– Вот именно, опасность на каждом шагу. Поэтому тебе там делать нечего. В первый раз по делу посылал тебя, теперь дела никакого нет.

– Там настоящие люди живут, отец. Там каждый может и за овцой уследить, и хищника стрелой сразить. Как я стану великим воином, мира не видя, людей не зная? Сколько сидеть у твоего очага?

Отец устало прикрыл глаза рукой.

– Ты как ребенок. Какие воины? Зачем они нам? Или в голодной степи мы, где все проглядывается вперед на два дня пути? Бурные потоки – наши воины, горы – наши стражи. Нет здесь врагов. Только кто из наших племен может взбунтоваться. Но что с ними тогда делать – этого тебе нищие кочевники не подскажут. На то я и учу тебя мудро править, чтобы не допустить такого.

– Отпусти. Есть же кроме меня у тебя сыны, не единственный я, – взмолился Темир. – Не то убегу и не вернусь. А отпустишь – через зиму возвращусь.

– Не единственный, – передразнил отец. – Раз трое наследников, так можно их и не беречь? Выдумал. Где ты найдешь-то их, своих бродяг?

– Найду. Один из охотников недавно их встречал. Сказывал, менять приходили войлоки на пушнину. Догоню еще.

– Ступай, несчастье. – Отец отмахнулся. – Жил бы как люди. Куда тянет тебя вечно? Сгинешь.

– Не сгину! – весело воскликнул Темир, бросившись наружу – седлать коня.

– Стой! Передай же их Зайсану, задолжал он дань мне за два года! – крикнул вдогонку отец и покачал головой. – Нет, такому наследнику народ нипочем не доверишь...

Девять зим минуло после возвращения с Укока. Теперь Темир мог скакать верхом без седла, без рук, удерживаясь одними только крепко сжатыми бедрами. У него был свой конь и, разумеется, все полагающееся мужчине оружие: прочный боевой лук, приличный запас стрел – простых деревянных и с костяными наконечниками. В петле, пришитой к поясу штанов, висел хорошо заточенный чекан¹³, дорогое железо которого отливало голубым цветом, как и лезвие кинжала в деревянных ножнах. Темир уже не так верил в существование Адыгана – каан-кереде ли на руке привел мысли в порядок, или он просто повзрослел. Но Темир помнил давнюю обиду на грубого мальчишку, а ночами, в полудреме, видел, как скачет на своем коне Дочка Шаманки и ее черные волосы летят по ветру, укрывая землю непроглядной тьмой.

---

¹³ Чекан (клевец) – боевой короткодревковый молот, имеющий ударную часть в форме клюва, плоского, граненого или круглого в сечении, который может быть разной длины и обычно в разной степени изогнут книзу.

Темир нагнал племя на исходе второго дня пути. Вечер был душным, в воздухе стоял тяжелый запах густо цветущих трав. Меж деревьев уже подрагивали огни первых костров там, где, насколько помнил Темир, заканчивался лес и начиналась россыпь небольших рыбных озер. Слышались людской смех и фыркание утомившихся за день лошадей. Темир ударил коня пятками, предвкушая отдых и ужин.

В животе громко заурчало, но от чувства голода Темира отвлекло воспоминание о молодом кайчи укокского племени, которого он мечтал послушать. Часто вечерами, чтобы отогнать ночных духов, сказитель настраивал свой топшур¹⁴ и затягивал долгую песнь до утра. И герои были величиной с гору, и кровожадны были враги. Скакуны быстры, как молния, а алмысы¹⁵ хитры, как куницы. Гармонию и согласие во весь мир и в душу Темира приносило пение укокского кайчи. Темир диву давался, как эти невероятные люди запоминают такие длинные песни. Он решился спросить однажды, и кайчи, рассмеявшись, ответил, что с детства слушал их без конца от наставника, потому и запомнил. А забывает слово – духи подсказывают. И действительно, пока лился кай, Темир не раз видел, что душа певца блуждает где-то, что своими глазами видит он сейчас воспеваемые им битвы, а пальцы продолжают перебирать струны. Должно быть, теперь кайчи стал совсем взрослым.

Внезапно сквозь льющуюся в мыслях музыку Темир услышал хорошо знакомый тихий свист и почувствовал легкое дуновение на левой щеке. Стрела пролетела в ладони от его лица, вонзилась костяным когтем в растущее впереди дерево и подрагивала, исполняя совсем другую песню, нежели сказитель из детских воспоминаний.

– Следующая – в спину! – послышался сзади резкий голос. – Стой!

Темир и без того уже остановился и терпеливо ждал, пока стрелявший приблизится. Это оказался молодой темноволосый дозорный на вороном коне. Конь двигался бесшумно, только бряцала застежка раскрытого горита¹⁶, висящего у седла. Воин не держался за поводья – в одной его руке был крепкий боевой лук, а другая натягивала тетиву с вложенной стрелой. Темир с удивлением отметил, что на обнаженном торсе нет ни одного рисунка. Неужели этот человек никогда не просил защиты у духов? Не обладал никаким талантом, не совершил ни одного деяния, которое стоило запечатлеть на коже? В таком случае его будто бы и не существовало вовсе. Или это... вражеский воин? Почему Темир не подумал сразу, что он не из пазырыкцев?

– Чего разглядываешь, как девицу на смотринах? – насмешливо бросил Воин, опуская лук. – Вижу теперь, что ты не чужак. От каана посланник? Едем, провожу тебя к Зайсану.

И он пустил коня рысью, на ходу убирая лук в горит и подхватывая поводья.

«Да это же он, – подумал Темир, – тот самый, который вечно ходил за Дочкой Шаманки».

– Не надо к Зайсану. Проводишь к Старой Шаманке?

– Зачем? – спросил Воин, не оборачиваясь.

– Мы давние друзья. Дело к ней личное.

– Уж не свататься ли к ее дочери едешь?

Опять эта злая насмешка. Темир уже не был ребенком и понимал: движет недружелюбным Воином не что иное, как любовь. Захотелось подразнить его, разозлить и, может, довести дело до драки.

– Почему бы и не посвататься, коль хороша собой? – ответил он.

---

¹⁴ Топшур – алтайский щипковый музыкальный инструмент с двумя волосяными струнами. Длина около 78 см. Способ игры – бряцание.

¹⁵ Алмыс – злой дух.

¹⁶ Горит – глухой футляр для лука и стрел, изготавливавшийся из кожи и войлока.

– Красивых много у нас. На нее не трать времени. – И куда только пропал насмешливый высокомерный тон? – Не видел разве на ее челе печати другого, высшего предназначения? Ее ждет безбрачие. Замену себе старуха готовит.

– Безбрачие? Но у Шаманки-то есть дочь.

– Она ей не дочь, – отрезал Воин. – Все, надоело. Едем молча. И сперва к Зайсану, а там иди куда хочешь.

Он проводил Темира до аила Зайсана, а сам ускакал бешеным галопом обратно в тайгу – нести одинокий дозор. Поприветствовав Зайсана и передав слова отца о долге, Темир заспешил на поиски Шаманки. Зайсан махнул рукой в направлении ее аила и сказал со смехом:

– Повидаешь и вернись. Не ребенок, не годится с двумя женщинами ночевать. У меня спать будешь.

Темир покраснел.

– У огня лягу. Ночь теплая.

Дочка Шаманки превратилась из девочки в девушку, но Темира не забыла. Обняла его ласково и поцеловала в щеку. Темир смутился еще больше, чем от слов Зайсана, когда ее мягкое тело прильнуло к нему на миг, окутав нежным и легким ароматом – едва ощутимым благоуханием тайны, какой пока еще представляли Темиру все женщины.

– Зачем пожаловал, племянник? – равнодушно поинтересовалась Шаманка. – Опять что-то неладно с тобой?

Темир заметил, что она выглядела теперь совсем древней, хотя была одних лет с его отцом. Она растеряла былую сердечность, ее явно что-то беспокоило. Темир не стал говорить, что он все эти годы думал не только о них, но и о свободной, притягательной кочевой жизни, где каждый день приносил что-то новое.

– Да вот. – Он протянул ей левую руку ладонью вверх. – Защитник, которого ты мне дала, для мальчика годился, для мужчины – нет.

Изображение орла теперь находилось ближе к запястью, чем к локтю, сильно поблекло и потеряло четкость линий и форм, превратившись в нечто трудночитаемое. Шаманка внимательно посмотрела в светлые глаза Темира, потом улыбнулась краешком тонких губ.

– Защитник не нужен больше. Нужен тот, кто из всех дорог самую ровную тебе выберет. Теперь спать иди. У нас будешь жить?

– Я пока снаружи посплю, – повторил Темир то же, что сказал чуть ранее Зайсану.

– Ты до зимы? – шепнула Дочка Шаманки, беря его под локоть. – Идем, провожу немного. Вон там наши у костров расположились на ночлег.

– Я до весны, если никто не против.

– Как хорошо! – радостно воскликнула она. – Завтра будем день солнцеворота праздновать, так что сниматься в путь не придется. Отдыхай.

Она испарилась, растворилась в ночи, а Темир отправился устраиваться на ночь, поприветствовав собравшихся и представившись. Многие помнили его, а гостеприимны были все. И кайчи кивнул ему как другу, не обрывая начатого невеста когда сказа.

Здесь не было возможности встретить день солнцеворота с таким размахом, как в стане каана, хотя мяса и вина хватило всем. Когда полуденное солнце умерило жар, молодежь затеяла игры. Хотели состязаться в верховой езде, но для скачек не нашлось достаточно привольного места. Тогда решили соревноваться в меткости. Сперва бросали бронзовые ножички, очертив

круг на толстой сосне. Многие металы с закрытыми глазами или стоя спиной к мишени. Промехи сопровождалась свистом и улюлюканьем.

– Детская забава. Давайте из лука стрелять! – громко предложил Темир, не сводя взгляда с Воина, сидящего в десяти шагах от него.

Тот никак не участвовал в происходящем, не глядел на веселящийся народ и задумчиво вертел в пальцах деревянную безделушку, видимо, оторвавшуюся от сбруи его коня.

Идею Темира радостно поддержали и принялись пускать стрелы все в ту же мишень, заставляя искалеченный ствол истекать липкими смоляными слезами. Стрела Темира угодила в самый центр, и никто не мог вонзить свою рядом. Парни зашумели, пожимая плечами.

– Ты не думай, у нас есть стрелки лучше тебя, – сказал Зайсан спокойно. – А ну, никто за честь племени постоять не хочет?

Он подошел к Воину и легонько пнул его в подошву сапога.

– Ну? Никто не хочет? – повторил Зайсан.

– Баловство, только стрелы тупить, – глухо ответил Воин. – За честь племени жизнь кладут, а не с детьми меткостью меряются. Пусть мальчишка потешит самолюбие, выйдя победителем.

– Я буду стрелять, – раздался в толпе звонкий девичий голос, и на его звук Воин мгновенно вскинул голову.

Дочка Шаманки протиснулась между мужчинами и вышла вперед.

– Только лук мой сломан давно. Кто мне свой даст?

Стоявшие поблизости, желая угодить ей, в едином порыве протянули свое оружие, не исключая и Темира. Только наглухо застегнутый красный горит Воина так и остался лежать рядом с ним на земле. Дочка Шаманки направилась к нему, отводя простертые к ней услужливые руки.

– Дашь мне лук? – спросила она, нежно глядя на Воина.

– Он боевой, тяжелый. Натянешь ли?

– Сомневаешься?

Воин не сомневался, поэтому встал, вынул лук и протянул, выбрав также новую, ни разу не стреляную стрелу. Принимая оружие, Дочка Шаманки коснулась пальцами большой руки Воина. Темир поклялся бы чем угодно, что видел, как тот вздрогнул от этого прикосновения. На мгновение, на удивительно долгий миг, между ней и Воином загустел воздух и пронеслась грозовая буря, завершившаяся разрушительной вспышкой молнии. Темиру стало неловко, будто он подглядел то, чего никому видеть не следовало. Он посмотрел на лица людей – они лишь предвкушали выстрел, не обратив внимания на выплеснувшееся из этих двоих чувство, которое они поспешно заперли так глубоко, насколько смогли. Но уже вскоре и Темир забыл обо всем, замороженно глядя, как Дочка Шаманки уверенной рукой натягивает тугую тетиву, одновременно делая медленный глубокий вдох. Она выдохнула, и стрела ее расщепила стрелу Темира на две части. Народ ликовал и громко смеялся, а Темир даже не почувствовал стыда за то, что его одолела женщина, настолько начал проникаться всеобщим восхищением ею.

Стемнело, и началась другая забава, какой Темир в своем стане не видел. Юные девушки, каждая с красной шерстяной нитью в руках, бродили между парнями, выбирая одного и повязывая ему эту нить на руку или на волосы. Некоторые парни норовили выхватить нитку у понравившейся девушки, если она направлялась к другому. Выбор сопровождался шутками, насмешками и подбадриванием нерешительных.

– Никак из юбки выдернула нитку? Посмотри, распустилась сзади половина.

– Где, где распустилось? Ах ты какой! Да эта юбка стоит, сколько ты весь!

– А ты попробуй сперва, а потом цену мне назначай!

– Ой, только не меня, не меня! Рано мне жениться. Братцы, спасите!

– Как же рано? Последний шанс упустишь, беги, росомаха!

– Что смутилась, красавица? По глазам вижу, ко мне шла, чего же застыла на полдороге?

– Эй, девушки, кто нитку потерял? Сейчас привяжу себе да скажу: «Там и была». Найду, кто остался без богатыря да без нитки, – та моя и будет.

Повязав нитку, красавица бросалась прочь, а юноша со смехом гнался за ней. Девушки сновали между аилами, прятались за деревьями, а парни не очень-то старались их сразу отыскать и поймать, продлевая игру.

– Так девушка намекает мужчине, что пора бы посвататься к ней, – услышал Темир голос рядом.

Он повернул голову и с удивлением увидел Воина. Тот стоял, скрестив руки на груди и с тоской глядя на визжащую молодежь.

– А если не захочет свататься к ней? – спросил Темир.

– Тогда пусть сделает вид, что не смог поймать. А можно попробовать догнать ту, которая нравится, даже если нитку дала другому. Разное бывает... – Он помедлил. – Ее среди девушек не будет, не высматривай.

– Да я и не... – Темир растерялся. – А была бы, тебе повязала нитку.

Воин шумно втянул воздух.

– Не болтай о том, чего не знаешь, – оборвал он разговор.

Но разговор бы кончился и без того – к ним направлялась самая красивая девушка, какую Темир когда-либо встречал. Она не шла, а плыла, не касаясь земли. Каждое движение гибкого тела дышало весной, наполняя летний вечер запахом талого снега. На белом, как луна, личике зажглась смущенная улыбка.

«Вот бы меня такая выбрала», – подумал Темир с завистью, уверенный, что красавица достанется стоящему рядом Воину: он сам все же был не из их племени. Но девушка подошла именно к Темиру и привязала нитку на один из двух тугих жгутов, в которые были сплетены его рыжевато-золотые волосы, перекинутые через левое плечо. Сделав это, она бросилась в тайгу, как молодой олень. Ее смех звенел горным ручьем, а Темир стоял, раскрыв рот.

– Что встал? – усмехнулся Воин. – Беги, лови свое счастье.

– Да, – выдохнул Темир, делая неуверенный шаг вперед.

– Эй, погоди! – окликнул Воин, что-то вспомнив. – Скоро последняя забава будет – рукопашные бои. Ты, кажется, имеешь что-то против меня. Больно уж дерзко глядишь. Дам тебе шанс расквитаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.